

Глава 1

Вот! Пегая коровенка, белая с черными пятнами, тащит инвалидное кресло — тележку на велосипедных колесах. А он на тележке, посередке.

Нежась в лучах утреннего солнца на пороге церкви, лицом на север, в сторону Вайоминга, отец Хэнди углядел на дороге церковного служителя — корова голштинской породы трусила по ухабам, и шишковатая голова безрукого и безногого тела моталась то из стороны в сторону, то взад-вперед, выплясывая сумасшедшую джигу.

«Неважнецкий день, — подумал отец Хэнди. — Предстоит сообщить Тибору Макмастерсу малоприятную новость».

Священник юркнул обратно в церковь, дабы оттянуть встречу. Однако Тибор его не заметил. Калека был погружен в свои думы, к тому же его мутило — Макмастера всегда мутило перед началом работы. Видать, муки творчества. К горлу подступала тошнота, и донимал надсадный кашель. Угнетал всякий запах, любой вид — даже вид собственной картины.

Отец Хэнди всякий раз дивился этому утреннему бунту тиборовских чувств — как будто калека охотно бы помер в течение ближайших суток.

Что до священника, то он безмятежно радовался солнышку, согревавшему их Шарлоттсвилль, горо-

док в штате Юта. Воздух в церкви был напоен горячим ароматом высокого клевера, растущего на окрестных пастбищах. Вдалеке позвякивали колокольцы на шеях коров...

Одно скребло душу посреди этой гармонии — не столько вид Тибора, сколько соощущение страданий.

Вон, позади алтаря, малая толика его работы — та, что уже закончена. Лет пять понадобится Тибору для ее завершения. Но что время в делах такой важности? Ведь это сотворится навечно... «Впрочем, нет, — подумалось отцу Хэнди, — се есть дело рук человеческих, а потому тлену обречено — это делается на века, для череды поколений».

Еще одно «впрочем» — это дело не рук. Иерархиями решено было доверить сие работнику, «коего телесное состояние не позволяет преклонить колени или сотворить крест», то бишь безрукому и безногую. А коли не справится один, ему вослед придет другой безрукий-безногий, покуда работа не будет завершена.

— Му-уууууу, — басовито отозвалась голштинка, когда Тибор, при помощи сделанной в Штатах ай-сибиэмовской системы экстензоров, натянул поводья и осадил свою скакунью на заднем дворе церкви, где ржавел без дела, со спущенными шинами, принадлежащий отцу Хэнди «Кадиллак» выпуска 1976 года, облюбованный в качестве насеста смешными милыми крохами — золотистыми цыплятами. Это мексиканское отродье светило в темноте и немилосердно гадило...

«Ну и ладно, пусть себе гадят. Маленькая стая прелестных засранцев — потомков достославного Герберта Джи, который во время оно заклевал на смерть всех своих соперников и утвердился в роли

патриарха. Был всем петухам петух! — с грустью припоминал его отец Хэнди. — Ныне Герберт Джи покоится в саду, где плоть его дожирают червяки да жуки. Жуки-мутанты. Жирные, как не знаю что».

Священник на дух не переносил этих жуков — поразвелось тварей! Вон их сколько — и таких разных — прет отовсюду... Так что он души не чаял в любых жукоедах и всем сердцем любил своих пернатых друзей. Птиц, смешно сказать, любил, а вот людей...

Но люди иногда являлись. Неизменно — во вторник, в день церковного праздника, установленного (сознательно, нарочито) взамен устаревшего христианского воскресенья.

Отец Хэнди, находясь внутри здания, в жилой пристройке, нутром чувствовал, как на заднем дворе Тибор распрягает свою голштинку. Затем инвалидная коляска своим ходом, благодаря электромотору, катит в церковь — по специально сооруженному деревянному настилу. А сейчас калека, порыгивая, берет себя в руки — экие злые шутки играет язык, когда говоришь о калекке! — иначе говоря, собирается с духом, готовясь продолжить прерванную вчера на закате работу.

Отец Хэнди обратился к своей супруге Или:

— Будь добра, позаботься о горячем кофе для него.

— Хорошо, — ответила та.

Смирная пигалица, сухонькая и морщинистая. Не без брезгливости он наблюдал за движениями ее бессочного, дряблого тела, покуда она покорно доставала чашку и блюдце, — без любви делает, без тепла в душе, верная служанка своего мужа — и не более чем служанка.

— Доброе утречко! — весело крикнул Тибор.

Это в нем чуть ли не профессиональное — быть всегда веселым, даром что на душе кошки скребут и подташнивает от тоски.

— Черный, — сказал отец Хэнди. — Горячий. Уже готов.

Он посторонился, чтобы громоздкая тележка проехала по коридорчику в церковную кухню.

— Утро доброе, миссис Хэнди! — сказал Тибор.

Не оглядываясь — не любила она глядеть на калеку, Или Хэнди прошуршала:

— Доброе утро, Тибор. Мир тебе, и да пребудет с тобой Дух Святой.

— Мир или мор? — спросил Тибор, подмигивая отцу Хэнди.

Ответа не последовало — смиренная пигалица прилежно хлопотала по хозяйству.

«Какие только формы не принимает ненависть, — думал отец Хэнди, глядя, как жена берет молоко с холода. — Сколько бывает оттенков и оттеночков в скрытом недружелюбии!»

Сам он любил ненависть откровенную — ее легко выплеснуть, извергнуть... А чтобы вот так — только через отсутствие ласки, через официальный тон...

Тибор приступил к сложному для него процессу питья кофе.

Перво-наперво, чтобы коляска не ерзала, Тибор ставил ее на тормоз. Затем с помощью нехитрого соленоидного переключателя, нажимая подбородком на кнопки пульта дистанционного управления, он переводил батарею на жидком гелии из режима обслуживания мотора тележки в режим постоянной работы манипуляторов-экстензоров. Аккуратного вида алюминиевые гидравлические манипуляторы удлинялись, и на их конце через воротца выскакивали шесть механических пальцев, соединенных

тяжами с мускулами плеча. Сейчас эти пальцы пришли в действие и приподняли со стола пустую чашку. Тибор вопросительно уставился на хозяйку.

— Кофейник на плите, — промолвила Или с выразительной ухмылкой.

Пришлось снять тележку с тормоза, проехать к плите, снова жать подбородком на кнопки — обездвигивать кресло на велосипедных колесах и оживлять манипуляторы. Наконец кофейник оказался в шестипалом экстензоре. Алюминиевый манипулятор поднимал его рывочками, придрагивая, словно рука страдающего болезнью Паркинсона. Однако айсибиэмовская чудо-техника позволила наполнить чашку, почти не пролив кофе.

Отец Хэнди горестно крикнул и сказал:

— Не присоединяюсь к тебе, ибо сегодня ночью и давеча утром страдал желудочной коликой.

Он чувствовал себя физически разбитым. «Даром что у меня полный комплект членов, нынче с утра мне не лучше твоего — железы и гормоны как взбесились!»

Священник закурил сигарету — первую на сегодня. Затянувшись слабоватым, но настоящим табачком, он ощутил некоторое облегчение: клин клином вышибают — этот яд снижал содержание в крови прочих ядов.

Отец Хэнди приободрился, сел за стол напротив Тибора, который с неизменной развеселой улыбкой безропотно отхлебывал не в меру горячий кофе.

Однако, однако...

«Порой невнятная физическая боль есть наше предвиденье неприятностей, — думалось отцу Хэнди. — Не потому ли я так разбит с самого утра? И не потому ли так плохо тебе, Тибор? Твоя улыбочка меня не обманывает. Предчувствуешь, чем я тебя

огорошу — точнее, обязан огорошить? А выбирать мне не приходится, потому как я червяк, фитюлька — что прикажут, то и делаю. Один день в неделю, по вторникам, во время проповеди, моими устами глаголет истина — впрочем, и дня мне не дано, а только какой-то час».

— Ну, Тибор, — сказал отец Хэнди, — *wie geht es heute?*

— *Es geht mir gut*¹, — незамедлительно отозвался Тибор.

Обычно они с наслаждением предавались воспоминаниям и вели ученые диалоги на немецком языке, охотно тревожа тени Гете и Гейне, Шиллера, Кафки и Фаллады. Оба жили для этого и этим. Теперь, когда только назревала очередная долгая работа, их общение носило характер почти священного ритуала, приготавливая духовную почву для работы. Когда же художник с головой уходил в работу, для бесед оставались только густые сумерки — за невозможностью долго рисовать при жидком свете керосиновых ламп или церковного камина. «Никудашное освещение, — временами жаловался Тибор и, привыкший преуменьшать свои горести, добавлял: — От него глаза подустают».

На самом же деле ему грозило превеликое несчастье: ежели, не приведи господь, зрение испортится, ни очков, ни специалиста по их изготовлению он не сыщет. Насколько было известно отцу Хэнди, на просторах Вайоминга и Юты в последнее время не найти ни одной линзы.

А коли возникнет острая нужда в очках, Тибору придется отправиться в странствие. Отец Хэнди и думать не хотел об этом — чаще всего церковные

¹ «Как поживаешь сегодня?» — «Отлично» (нем.).

служащие, насильно отправленные в путешествие, так и не возвращались. Причина их невозвращения оставалась загадкой: может быть, они оставались, потому что в других очагах цивилизации было лучше... Или их не отпускали обратно из мест, где было еще хуже? Судя по сообщениям радио — новости передавали ежедневно в шесть часов вечера, — в некоторых районах было лучше, в других хуже.

Теперь мир был дискретным, состоял из множества островков цивилизации. Все связи между ними были разрушены. Те самые связи, которые создавали прежнее хваленое повсеместное «единообразие».

— «Ты понимаешь?» — речитативом пропел отец Хэнди строчку из «Руддигора».

Тибор тут же прекратил пить кофе и пропел в ответ следующую строку:

— «Пожалуй, понимаю. Всенепременно долг исполнить надо!»

Он даже поставил чашку обратно на стол, защелкав своими манипуляторами.

— «Закон относится ко всем...» — продолжил отец Хэнди.

Как бы про себя, с подлинной горечью, Тибор допел:

— «...кто уклониться от него не смог!»

Он повернул голову в сторону священника и уставился на него долгим взглядом, нервно облизывая губы.

— В чем, собственно, дело? — наконец спросил калека.

«А дело в том, — подумал отец Хэнди, — что я несвободен; я частица большой системы — последнее звено цепи, которое ходит ходуном, приплясывает и гоношится, когда всю цепь дергают там, вверху, на другом конце. Мы веруем, сам знаешь, что на том

конце обретается Нездешнее, коего смутные распоряжения мы честно стараемся понять и выполнить, ибо верим — знаем! — что его хотения не просто непреложны, но и справедливы».

— Мы не рабы, — произнес он вслух. — Хотя все мы — слуги. Мы вольны оставить службу. И ты — тоже. Даже я мог бы покинуть свой пост, если бы посчитал нужным. — «Но этого не сделаю — давным-давно принял окончательное решение и связал себя самого тайной клятвой». — Вот ты, зачем ты здесь работаешь?

Тибор ответил с осторожностью:

— Ну, потому что вы мне платите.

— Плачу, но не принуждаю.

— Есть-то надо. Какой я никакой, а пищу потребляю.

Отец Хэнди произнес приподнятым тоном:

— Нам ведомо, что ты мог бы без труда найти работу — где угодно и какую угодно. Твоим талантам всюду найдется применение, даром что ты... увечный.

— Дрезденская оратория, — вдруг произнес Тибор.

— А? Что? — растерялся священник.

— Как-нибудь, — сказал Тибор, — подключите генератор к электронному органу, я сыграю вам ее, и вы ее узнаете. Дрезденская оратория, она поднимает дух. Она указывает горе. Туда, в высь небесную, откель вас взашей выгнали.

— О, совсем не так! — запротестовал отец Хэнди.

— О, совсем так! — ядовито возразил Тибор, и его исхудалое лицо пошло морщинами от разом закипевшей ярости, ибо дело касалось кровных его убеждений. — Пусть оно и «доброе», это ваше милосердное могущество. Все равно оно *вынуждает*

вас делать некоторые вещи, которым и название подыскивать нет охоты. Скажите мне прямо: мне что, надо закрасить уже нарисованное? Или заказ на фреску отменяется вообще?

— Нет, речь идет о завершающей части фрески. Уже сделанное — великолепно. Мы послали цветные снимки на тридцатимиллиметровой пленке. От них пришли в восторг. Ну, сам знаешь кто — Попечители Церкви.

Тибор задумчиво произнес:

— Чудеса! Можно добыть цветную пленку, можно где-то проявить ее... А вот газет больше нет и в помине.

— Велика беда! Слушай радио — последние новости передают в шесть вечера, — наставительно сказал отец Хэнди. — Вещают из Солт-Лейк-Сити.

Он уповал, что Тибор подхватит разговор. Но ответной реплики не последовало. Человек-обрубок помалкивал и сосредоточенно пил кофе.

Тогда отец Хэнди спросил:

— Знаешь, какое самое древнее слово в современном английском языке?

— Нет, — коротко отозвался Тибор.

— Могущество, — торжественно произнес отец Хэнди. — Ему соответствует немецкое слово «macht»¹. Однако слово «могущество» восходит даже не к прагерманскому. Его происхождение еще древнее — от хеттского языка!

— Гм, гм.

— Исходное слово — «mekkis», то есть «сила».

Тут отец Хэнди опять сделал паузу, чтобы Тибор поддержал разговор. Не дождавшись ответной ре-

¹ Английское слово «might» — могущество — созвучно немецкому «macht».

плики, он вдруг пропел двустигийе из моцартовой «Волшебной флейты»:

— «Что ж приумолкла ты? Пристало женщинам болтать, мужчинам же — делами заниматься!»

Тибор угрюмо отозвался:

— А разве это не вы болтаете?

— Что ж, я лясы точу, а делами заниматься предстоит тебе, — вздохнул отец Хэнди. — Что-то я хотел сказать... Ах да, баран!

На пятиакровом пастбище, за церковью, паслись шесть его овец.

— Вчера Теодор Бентон одолжил барана для моих овечек, — сказал отец Хэнди. — Баран староват, с седой бородкой... Ну так вот, прибежала собака, этот рыжий ирландский сеттер Йейтса, и попробовала напасть на стадо. Да ты видел этого сеттера — он что ни день гоняет моих овец.

Калека неожиданно заинтересовался и поднял голову:

— Ну и что баран?

— Собака пять раз приближалась к стаду. И пять раз баран начинал медленно-медленно двигаться в сторону собаки, оставляя стадо за своей спиной. Собака, разумеется, тут же останавливалась, когда замечала, что баран направляется к ней. Ей не хотелось познакомиться с его рогами. А баран тоже останавливался — и делал вид, что пасется. — Отец Хэнди улыбнулся, припоминая эту сцену. — Что за умница старик! Я видел, как он пасется, а один глаз косит на собаку. Собака то лает, то скулит, а он знай себе пощипывает травку. Тут собака начинает опять красться к овцам. Баран начеку и двигается в ее сторону. Собака останавливается... Но в последний раз собака применила другую тактику — ринулась вперед бегом. И оказалась между бараном и овцами.

— И стадо начало удирать?

— Да. А собака — ну, ты сам знаешь их повадки, они это умеют — валит овцу, а потом убивает ее или калечит и первым делом полосует ей брюхо, выворачивает внутренности. — Отец Хэнди помолчал. — Ну так вот, про этого барана. Он очень старый. Он не мог догнать собаку и заступиться за овец. Он просто повернулся и смотрел на происходящее.

Оба собеседника какое-то время задумчиво молчали.

— А способны ли они думать? — спросил Тибор. — Я имею в виду баранов.

— Понятия не имею. Зато знаю, о чем думал я. Хотел бежать за ружьем. Чтоб убить собаку. Я должен был ее убить.

— Будь я на месте барана, — сказал Тибор, — и мне довелось бы наблюдать, как собака пробегает мимо меня и накидывается на овец, а я мог бы только наблюдать...

Он растерянно замолчал.

— Ты бы подумал: «Лучше бы мне умереть, чем вот так стоять!..»

— Вот именно.

— Стало быть, смерть действительно иногда благо, как мы учим Служителей Гнева. А не зло, как учат христиане. Помнишь, как в послании Павла: «Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?»¹ Надеюсь, ты улавливаешь мою мысль?

Тибор медленно произнес:

— Вы хотите сказать: не можешь выполнить свою работу — лучше умри... И какую работу должно исполнить мне?

¹ Первое послание к Коринфянам, 15:55.